

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ: ОПЫТ ЕВРОПЫ И РОССИИ

Работа представлена кафедрой политологии.

Научный руководитель – доктор политических наук, профессор В. П. Милецкий

В статье прослеживается эволюция и формирование таких тенденций, как взаимоотношение политической элиты и общества, влияние интеллектуальной элиты на политическую жизнь в Европе и России. На основе этого были выявлены особенности и перспективы протекания данного процесса в России на современном этапе.

The author of the article traces the evolution and formation of such tendencies as mutual relation of a political elite and society, influence of an intellectual elite on a political life in Europe and Russia. Basing on this, the author also reveals features and prospects of this process' course in Russia at the present stage.

Отношения власти и общества всегда являлись достаточно сложным процессом, который приводил к нежелательным последствиям – кризисам, революциям, нестабильности. Властвующая элита издавна пыталась подчинить себе общество, используя самые грязные методы и приемы. В XX в. насильственные технологии дополнились мощным психологическим воздействием на массы. Благодаря этому власть значительно укрепила свои позиции, и либеральные мечты Дж. Локка о государстве, подчиненном обществу граждан, казались наивными. Но поистине серьезное развитие идей социального государства, пришедшее на послевоенный период, оказало влияние и на развитие гражданского общества, а следовательно, и того противовеса, который мог контролировать многие действия государства. Важнейшую роль в таком взаимодействии выполняют те представители общества, которые способны понять, осмыслить и донести до власти чаянья и потаенные страхи общества... или не донести.

«Если работу сельского почтальона доверяют паралитику, а получатели писем смиряются с этим, считая, что могло бы ведь быть гораздо хуже, то какое имеет зна-

чение, кто здесь народ, а кто аристократия...»¹ – это слова французского социолога Эмиля Фаге из книги «Кульť некомпетентности», написанной еще в 1910 г. В ней он приходит к неутешительным выводам по поводу функционирования общества и государства. Он отмечает, что серьезная опасность демократии в ее худшем проявлении выражается в приходе во власть людей некомпетентных. История, к сожалению, показала оправданность подобных опасений. Демократические государства со временем выработали иммунитет против этой опасности, создав политическую систему, которая может приспособиться к быстро меняющимся внешним и внутренним условиям и сводит к минимуму негативные тенденции.

Влияние общества на власть: европейский опыт. Так уж сложилось на Западе, но роль своеобразного медиатора, выражающего интересы общества в целом, выполняют интеллектуалы. Хотя слово «интеллектуалы» вошло в словарь французского языка лишь в 90-е гг. XIX в., оно достаточно активно применялось и до этого. Интеллектуалы скреплены профессиональным составом и, бесспорно, определяют процесс производства идей. Они могут быть в раз-

ных фазах отношений с обществом (отчуждение от него, отстранение, заинтересованный или конструктивный критицизм, когда критика становится нормой поведения; допускается также, что поведение интеллектуала может нести на себе следы политической или социальной ангажированности). Главный вопрос видится в том, какие концептуальные здания воздвигались на фундаментах этих определений. Традиционно мыслители и интеллектуалы как в целом, так и по отдельности играли роль посредника между правительством и обществом, что превратило их в некий третий политический и общественный класс, связующий правителей и управляемых. Однако их следует понимать не как людей, оторванных от этих двух миров, но как некий маятник, который, пребывая в постоянном движении между двумя группами, предоставляет им различные знания, предложения и взгляды. Конечно, существует некий утилитарный взгляд на их деятельность, но он плохо определяет ее. Их деятельность – это в конечном счете выражение бесчисленных точек зрения на политические, экономические, научные, художественные, академические и многие другие вопросы.

Есть все основания считать, что первопричиной постепенного кризиса уверенности в себе, поразившего эпоху Нового времени, стало, в сущности, медленное, но неуклонное охлаждение отношений между интеллектуалами как коллективным хранителем ценностей общества, с одной стороны, и государством Нового времени – с другой. Подобно Марксу, посчитавшему, будто последняя отчаянная попытка вчерашних свободных производителей остановить паровую каток индустриализации – это не что иное, как продромальный симптом скорого антикапиталистического выступления промышленных рабочих, философы оптимистической, полной надежд эпохи Просвещения приняли тоску молодого государства Нового времени по наставникам и законности за предвестие грядущего царства

разума. Обе ошибки в итоге обернулись колоссальным разочарованием. Социалисты-постмарксисты и интеллектуалы «постпросветители» до сих пор испытывают шок от того, что мир не желает подстраиваться под ту модель, в духе которой они первоначально формулировали свою роль и функции. Не желая признавать свою ошибку, они предпочитают объяснять разрыв между теорией и практикой тем, что мир не сдержал своих обещаний, свернул не на ту дорогу или каким-либо иным образом не сумел реализовать свой потенциал².

Крах традиционных средств контроля над обществом в то же самое время способствовал возникновению государства Нового времени. Это государство прежде всего предполагало централизацию общественных сил, ранее существовавших на локальном уровне. Дело, однако, не сводилось к простому переходу власти от одного пункта к другому – в процессе этого значительно изменился и сам характер этой власти. Уничтожение *pouvoirs intermediaires* (властей-посредников) – на которые и обрушилось абсолютистское государство Нового времени – было равносильно ликвидации единственной институционализированной точки, где контроль мог осуществляться «традиционным» способом (т. е. неосмысленно), – точки, где можно было обойтись без открытой декларации его целей и вообще не превращать его осуществление в функцию специалистов. Таким образом, появление абсолютистского государства было равносильно превращению контроля в сознательно осуществляемую, умышленную деятельность, которой занимаются специально подготовленные эксперты. Отныне государству пришлось заботиться о создании условий для эффективного осуществления слежки и телесной муштры.

Для воспроизводства общественного строя все активнее начинает применяться метод двойного воздействия, сочетавший оболечение с тотальным надзором наподобие так называемого «panoptic» – осо-

бого устройства тюрьмы, когда камеры расположены по кругу, а в центре находится надзиратель³ (причем пропорция этих средств постепенно менялась в пользу первого). Чем действеннее становился этот метод, тем более уменьшалось значение легитимации. В окончательно сформировавшемся государстве Нового времени эффективность государственной власти и, в еще большей степени, ее успехи в воспроизводстве строя могут сохраняться на стабильном уровне и повышаться вне зависимости от того, насколько масштабно и глубоко общество привержено «господствующим ценностям» – или вообще каким бы то ни было ценностям. «Легальная рациональность», упомянутая Вебером в числе известных истории типов легитимного порядка, на деле вынесла смертный приговор эпохе легитимации; словно стараясь специально это подчеркнуть, она противопоставила себя «ценностной рациональности» и провозгласила нынешнюю свободу государства от идеологии – читай, от тех, кто идеологию сочиняет. Последние пытались утешиться, изображая разжалование легитимации как «кризис легитимности», бесосновательно надеясь, что презрение к легитимации когда-нибудь выйдет государству боком⁴.

Роль интеллектуалов как посредников между обществом и властью еще больше возросла в XX в., когда, по справедливому замечанию Баумана, к умершему богу присоединилось государство, отказавшееся задавать этические стандарты. «Авторитеты возникают ниоткуда, чтобы, улучив момент доверия, незаметно исчезнуть в никуда – спросить не с кого». Правда, теперь это уже была другая роль... характеризовавшаяся большей конфронтацией с элитой.

Таким образом, нетрудно набросать идеальный тип интеллектуала, который нащупывает важные темы, выдвигает плодотворные тезисы и расширяет спектр релевантных аргументов, чтобы повысить печально низкий уровень дискуссий в об-

ществе и, как следствие, запустить механизм общественного влияния. Его роль во многом можно сравнить с рецепторами, которые первые ощущают на себе перемену влияния окружающей среды (в данном случае власти), и уже затем ощущение распространяется на организм в целом.

Особенности и перспективы для России.

В истории России интеллектуалы всегда были на втором плане, в то время как предметом научных исследований, дискуссий, публикаций была интеллигенция. Их ругали, ими восхищались, их идеализировали. Интеллигенция осознавала себя в качестве носителя всеобщей совести общества, практически всегда противопоставляя себя государству. Однако интеллигенция – явление далеко не однородное. Можно согласиться с некоторыми учеными, дающим интеллигенции более широкое определение и выделяющими в ней категории интеллектуалов (так называемая интеллигенция «второго и третьего круга», создающая эстетические ценности). То есть на определенном этапе из среды интеллигенции выделяются интеллектуалы, в полной мере определенные своим профессиональным составом: это профессор вузов, ученые, элита журналистики, выдающиеся деятели культуры и искусства (как правило, писатели, философы), чья репутация не вызывает сомнений, кто способен говорить с властью на равных, кто создает и распространяет жизненную философию и политическую идеологию. Это те, кого З. Бауман называет «интерпретаторами» т. е. кто делает доступным идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом. Интеллектуалы не столько априори оппозиционны, сколько настроены на диалог между обществом и государством. Его сознание может быть наполнено скепсисом, но останется неослабно и постоянно связанным с рациональным исследованием и моральными суждениями – он будет говорить правду власти...

Хотелось бы обратить внимание, что в России оппозиция в лице интеллигенции

всегда проигрывала. Силы, которые приходили к власти благодаря борьбе интеллигенции, почти всегда оттесняли ее на задворки истории. Так было после 1917 г. и в постперестроечное время, когда партийная номенклатура благодаря живой и серьезной работе интеллигенции благополучно «приватизировала» то единственное, чего у них не было при советской власти, – собственность. И сегодня основное содержание работы власти заключается в перераспределении этой собственности от одного клана к другому. Более двусмысленной ситуации не бывает, хотя, когда рушатся миры, мыслящий, понимающий человек «отчаянно тоскует».

Итак, российская интеллигенция исторически исчерпала себя. Мы переживаем момент, когда в стране востребованы интеллектуалы (интеллигенция третьего круга) – генераторы идей, ученые и философы с нелинейным мышлением. Те, кто настроен на диалог между обществом и государством, те, кто говорит правду власти и кого власть слушает. Но как может происходить взаимодействие, если непонятно, что доносит до тебя власть через свои институты, постепенно становящиеся все более и более замкнутой корпорацией, единственной задачей которой становится навязать то или иное мнение массе. Сегодня диалог не может состояться, поскольку со стороны общества нет соответствующих фигур. Ту роль, которую на Западе обычно играют интеллектуалы, в России некому взять на себя. Они либо отступали в свои закрытые профессиональные области и превращались, по Мишелю Фуко, в «частных» вместо «общих» интеллектуалов, занятых исключительно собственными профессиональными проблемами, либо присоединялись к бюрократии и удобно обустраивались там, обучившись правилам игры, в которой успех измеряется не качеством работы, а известностью и прежде всего – частотой появления на телеэкране⁵. Большинство интеллектуалов в современной России

как раз и превратились в так называемых частных (что в общем-то не так плохо, поскольку этот процесс обратим). Попадая же в среду бюрократии, где действуют свои специфические законы, интеллектуал (т. е. инородное тело) обречен. Эффективно он может действовать лишь при определенном окружении.

На Западе власть еще в середине прошлого века взяла курс на вовлечение интеллектуалов в политический процесс, потому что стало очевидным их влияние в обществе, их способность изменить ситуацию. Создавались различные комитеты, советы, экспертные организации, в которых наиболее полно использовались творческий и интеллектуальный потенциал и пассионарность этих людей. Интеллектуалы даже в одиночку или небольшой командой могли серьезно повлиять на власть. В самый разгар «охоты на ведьм» в США известный политический журналист Эдвард Марроу бросил вызов сенатору Маккарти, обвинив его в своей еженедельной передаче в незаконных арестах людей. Понимая всю сложность своего положения, он делает цикл телепередач с разоблачением незаконных методов сенатора, вскоре сам став объектом нападок, но в конце концов добившись расследования его деятельности. Добились успеха и интеллектуалы, ставшие идейной опорой студенческих волнений во Франции 1968 г. На Западе усиление роли интеллектуалов проходило длительным, эволюционным путем. В связи с тем что в нашей стране власть решает сугубо свои закрыто-корпоративные задачи, процесс формирования гражданского общества, установление реального диалога общества и власти будет длительным. Но тогда возникает вопрос: кто те люди, которые поддержат интеллектуалов как связующее звено между обществом и властью? Если в Европе таким слоем стали преимущественно студенчество и средний класс, то для России характерна иная ситуация. Мне кажется, что наступает такой этап, когда понять и поддержать интеллектуалов

сможет «пассивная» интеллигенция, наиболее рефлектирующая часть населения, способная влиять на остальное общество.

Но все же ошибочно было бы полагать, что влияние общества на власть в России зависит от власти и выстроенной ею политической конструкции. Политическая система государства подвергается изменению ровно настолько, насколько это позволяют граждане. И именно от общества зависит степень влияния на власть. Весь вопрос в возможностях и желании участвовать в этом воздействии. Исторически в России сложилась низкая степень политической культуры в силу отсутствия опыта демократического развития. Общество здесь в массе своей всегда было ведомым, и это переломить невероятно сложно. В подобной ситуации роль оппозиции как катализатора общественного участия и влияния на политику неопределима. То, что произошло в Восточной Европе, должно рано или поздно произойти в России. Но пока в России все более отчетливо проявляется неуверенность в завтрашнем дне и политическая неустойчивость, рождающая мотивационную потребность в предсказуемости. Поэтому в современной России отчетливо проявляется так называемый авторитарный рефлекс⁶, в двух формах:

1) отрицания всего нового, всего позитивного, отстаивание непогрешимости старых, привычных моделей или собственных позиций;

2) раболепного преклонения перед лидером в надежде на безопасность, сохранение власти и доходов.

Но одновременно в обществе проявляется процесс падения уважения к власти, бюрократическому аппарату и усиление активности индивидов, стремление к самовыражению. Это та тенденция, которая будет подтачивать авторитарный рефлекс и может привести к демократизации политических процессов.

И все же не будем столь категоричны, будущее интеллектуалов в России зависит

лишь от них самих. Будем надеяться, что и в России будет действовать модель «ухода и возврата», по А. Тойнби: интеллектуал, «уходя и выпадая из своего социального окружения, преобразуется, возвращается затем в то же самое окружение; возвращается, наделенный новыми способностями и творческими силами»⁷. Окажутся ли интеллектуалы сами готовы взять на себя ответственность за страну или по-прежнему добровольно останутся заперты в башне из слоновой кости, такой желанной, но такой холодной... посмотрим.

Одна из главных заслуг западных демократий – появление высокого уровня политического участия граждан, т. е. деятельности граждан, влияющей на процесс принятия политических решений. Способность практически мгновенно реагировать, порой даже жестко, на те или иные решения власти является неотъемлемой чертой подобной системы. И западная традиция взаимоотношения общества и государства как раз и исходит из первичности общества. Именно этим обусловлена активность западных политических партий и социальных групп, часто носящая антисистемный характер. Конечно, примеры политического участия на Западе имеют свои особенности, актуальные и для России и говорящие как об эволюционной направленности политических изменений, так и о характере политических режимов, установившихся в этих странах. Тем не менее не нужно забывать, что социальная активность Европейского общества и, следовательно, его мощное воздействие на власть строились по другим доминантам, нежели в России, где по естественным причинам наблюдалось отсутствие связующих звеньев в диалоге общество – элита.

Таким образом, мы попытались показать эволюцию политических учений об элите, а также раскрыть некоторые специфические особенности взаимодействия элиты и общества как на Западе, так и в России. Ведь проблемы политической элиты особенно актуальны для российского обще-

ства. Ее низкие деловые и нравственные качества во многом объясняют глубину кризиса российского общества в последнее десятилетие. Наша страна сможет выйти из системного кризиса только тогда, когда установится реальная демократическая система, где будет реальная многопартий-

ность, система разделения властей и гражданское общество, контролирующее власть. Может, тогда наконец будут востребованы общая управленческая культура, образовательный уровень, опыт менеджерской работы, аналитические способности и волевые качества всех управленцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фаге Э.* Куль некомпетентности. М., 2005. С. 166–167.

² *Бауман З.* Законодатели и интерпретаторы. М., 1999. С. 9–10.

³ *Фуко М.* Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 345.

⁴ *Бауман З.* Указ. соч. С. 11.

⁵ *Bauman Z.* Pierre Bourdieu, or the Dialectics of Vita Contemplativa and Vita Activa // *Revue internationale de philosophie.* 2002. N 2. P. 85.

⁶ *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. М., 1999. С. 25.

⁷ *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. С. 37.